

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению

От прошлого к будущему

Рецензия на книгу А.А. Кротова «Философия истории философии во Франции». – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2018. – 479 с.

Т.Б. Длугач

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-9-145-159

Рецензия

Длугач Тамара Борисовна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора зарубежной философии Института философии РАН.
dlugatsch@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8906-9885>

Цитирование: Длугач Т.Б. (2018) От прошлого к будущему. Рецензия на книгу А.А. Кротова «Философия истории философии во Франции». – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2018. – 479 с. // Философские науки. 2018. № 9. С. 145–159.
DOI: 10.30727/0235-1188-2018-9-145-159

From Past to Future

Book Review: Krotov A.A. Philosophy of History of Philosophy in France. – Moscow: Moscow State University Publ., 2018. – 479 p.

T.B. Dlugach

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-9-145-159

Book review

Tamara Dlugach – D.Sc. in Philosophy, Main Research Fellow at the Department of Foreign Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
dlugatsch@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8906-9885>

Citation: Dlugach T.B. (2018) From Past to Future. Book Review: Krotov A.A. Philosophy of History of Philosophy in France. – Moscow: Moscow State University Publ., 2018. – 479 p. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosoфskie nauki*. 2018. No. 9, pp. 145–159.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-9-145-159

Вышла в свет новая книга известного исследователя А. Кротова «Философия истории философии во Франции» (М.: Изд-во Моск. ун-та, 2018). Автор захотел еще раз сосредоточить интерес публики на философских взглядах многих выдающихся мыслителей XVIII–XX вв. Цель обширная, и задача, пожалуй, еще более усложняется тем, что взгляды авторов высвечиваются через их отношение к прошлым философским эпохам. В центр внимания попадает диалог разных философских культур, и изложение начинает выглядеть как философия истории философии. Так и называется книга.

В Предисловии А. Кротов раскрывает свои авторские стремления: нельзя отбрасывать исторические уроки, прошлое дает ключ к настоящему, а оно – к будущему. История философии – это грандиозная картина шествия человеческого духа, наполненная успехами и неудачами. Отправная точка книги «Исторический и критический словарь» А. Бейля (1697). Автор считает, что интерес к этому сочинению дает возможность взглянуть под особым углом зрения на историю новоевропейской философии. Соединяя позитивную и критическую части, Бейль не рассматривает историю философии как собрание заблуждений, в работах философов прошлого много верного, они лишь требуют опоры на окончательную истину. Оценивая исторические достижения прежних мыслителей, Бейль говорит о заблуждениях Аристотеля и о несостоятельности схоластики. В то же время он отдает должное пирронизму-скептицизму. Его верность подтверждается взлетами и падениями мысли. Бейль критикует монизм, но выделяет в разных системах достижения и неудачи. В целом, как показано в книге, Бейль прежде всего интересовался проблемами истинности любой системы.

Исходный и очень интересный пункт разбора французской философской мысли XVIII в. – философские воззрения А. Деланда. Надо оценить интерес А. Кротова к этой малоизученной, хотя и весьма любопытной фигуре. А. Деланд (1690–1757) – романист, поэт, политик, историк. Его «Критическую историю философии...» можно считать ориентиром (хотя и первоначальным) для последующих историко-философских поисков. Деланд выделил три пути развития философии. К первому он относил сбор различных философских мнений, как бы их обзор. На второй путь выходят биографические произведения; наконец, третий путь предлагает свести воедино убеждения древних и новых мыслителей, хотя для этого придется отбросить многие ценные мысли. Деланд убежден, что к прошлому надо относиться благожелательно и снисходительно, хотя в них и много заблуждений, но истина постепенно постигается со времен Ноя и его детей. Особо Деланд выделяет христианство, внутри которого он считает незыблемыми учения о бытии Бога, бессмертии души, свободе воли. Деланд тесно связывает достижение истины с торжеством теологических идей и выступает как один из серьезных религиозных мыслителей.

Другой герой первого раздела книги – знаменитый энциклопедист Дени Дидро. А. Кротов находит необычный подход к освещению его взглядов, рассматривая одно из ранних его произведений «Прогулку скептика, или Аллеи» (1747). По каждой аллее прогуливаются сторонники определенных философских течений. Аллею терний, узкую и мучительную, Дидро предназначает фанатикам; здесь царят нетерпимость и страсть к чистоте одежд и помыслов. Она не устраивает великого энциклопедиста; но не устраивает его и аллея цветов, так как царящая здесь страсть к наслаждениям исключает серьезные размышления. В аллее каштанов все время ведутся споры о бытии Бога – между теистом и атеистом, между атеистом и скептиком. Дидро предлагает здесь заменить каноническую религию «естественной», которая коренится в сердце каждого и требует лишь признания Бога и любви к ближнему. А. Кротов склоняет Дидро к скептицизму-пирронизму и эклектизму, так как последние позволяют освободиться от всяких авторитетов и выработать собственное мнение. Это убеждение автор прослеживает и в статье Дидро «Эклектизм» для Энциклопедии.

Удивление, почему Дидро не уделил внимания картезианству и лейбницеанству снимается объяснением того, что Дидро был склонен не к теизму, а к деизму. Приводятся оценки Луппола и Лефевра, считавших, что Дидро стоял в то время на позициях деизма.

А. Кротову удалось показать важную особенность мышления Дидро – искать истину в споре противоположных сторон, и он подчеркивает далее, что «шестигранная» классификация истории философии, основанная на различном решении проблемы бытия Бога, сменяется у Дидро дуалистической схемой в «Мыслях об изучении природы» (1753), сведенной к противопоставлению экспериментальной и рациональной философии. Зачатки первой Дидро находит у Бэкона и симпатизирует ему. Предложенный анализ историко-философских взглядов Дидро у Кротова надо признать новым и оригинальным, тем более что никто до сих пор не обращался к ранним сочинениям Дидро.

Взглядам другого крупного просветителя – Ж.-Ж. Руссо А. Кротов уделяет меньше внимания, хотя находит и здесь собственное решение. Так, он показывает влияние на Руссо не очень заметных в то время фигур – Лами и доктора Саломона. Последний склонил Руссо к изучению Декарта и картезианства. Руссо близко воспринял картезианское сомнение, что доказывается откровениями Савойского викария в «Эмиле», несмотря на то, что, в отличие от Декарта, Руссо основывался не на разуме, а на чувстве. У Руссо не была четко прописана схема истории философии, он интересовался различными философскими школами, в том числе логикой Пор-Рояля, говорил о заблуждениях Гоббса и Спинозы, подчеркивал роль совести и справедливости в своем учении. Но, конечно, Руссо был более интересен в своем социально-политическом учении, чем в историко-философском.

Изложение взглядов Ламетри и Гельвеция ведется как будто в традиционном ключе, но и здесь видны некоторые нетрадиционные выводы А. Кротова. Выделяя у Ламетри две главные мировоззренческие позиции – материализм и спиритуализм, А. Кротов, пожалуй, впервые свидетельствует о внимании философа к опытным исследованиям. Ламетри считает заслуживающими внимания исключительно философов Нового времени – Декарта, Мальбранша, Лейбница, Вольфа, Локка, Бургава. Иногда он приписывает им свои взгляды, развитые в «Человеке-машине», но, по-видимому, его больше интересует создание своей концепции, нежели оценка истории философии.

К.А. Гельвеций описывается в книге как прославленный моралист, поэт, политический мыслитель (с. 74). А. Кротов затрагивает здесь такие характеристики творчества просветителей, которые не упоминались никем ранее, хотя они имеют отношение к истории, а именно – интерес Гельвеция к литературному творчеству. Будучи как будто всецело сторонником механистического материализма, сводящего ум к сравнению ощущений, Гельвеций тем не менее оценивает значение прошлых литературных произведений в соответствии с точностью изображения в них страстей и нравов: каждой эпохе соответствуют собственные страсти, отсюда изменение жанра романа. Романы, вызывавшие в свое время восторг публики, по прошествии времени кажутся скучными и напыщенными. Трагедии, приводившие зрителей в восторг, перестают волновать, когда меняется эпоха. Точность рассуждений Гельвеция можно, как нам кажется, продемонстрировать на примере «Новой Элоизы» Руссо: вызывавшая в прошлом бурю восторгов, сегодня она кажется унылой и скучной. В споре «древних и новых» по поводу культуры Гельвеций, таким образом, отдает предпочтение новым, рассматривая прошлое как навсегда ушедшее, правда и его изучение не бесполезно в плане уроков. Гельвеций выделял два типа метафизики, сравнивая их с двумя философскими системами – Демокрита и Платона; один движется от земли к небу, другой – в обратном порядке, один опирается на наблюдения, другой – на химеры.

Ясно, что Гельвеция больше привлекает Демокрит, он считает, что завоевания Платона были восприняты схоластикой, но истинный путь метафизики – не абстрактные истины, а суждения, основанные на точных фактах. Образец истинного метафизического метода, по его мнению, дал Локк, и господствующими в истории останутся принципы сенсуализма, а метафизика платоновского типа прекратит свое существование (с. 80). Критике Гельвеция подвергаются также религиозные трактовки. Уничтожение их, как и человеческих пороков – дело законодательства. Большое значение Гельвеций придает интересу в обществе.

Концепция истории философского процесса, предложенная еще одним видным просветителем – Э. Кондильяком, справедливо зани-

мает почетное место в книге А. Кротова. Она изложена в «Трактате о системах» (1749) и в «Курсе занятий по обучению принца Пармского» (1775). Наука, в том числе и философия основывается, как считает Кондильяк, на трех важных принципах: абстрактных идеях, гипотезах и твердо установленных фактах. К авторам абстрактных систем Кондильяк относит Декарта, Спинозу, Лейбница, Мальбранша; здесь очевиден его интерес и к рационализму. Но он замечает, что абстрактные идеи этих авторов несколько расплывчаты и туманны. Критике подвергается и декартовский принцип ясного и отчетливого знания, так как до конца не ясно, в чем состоит исходная ясность и отчетливость. Спиноза также формулировал туманные и неопределенные понятия; у Лейбница же не определены понятия силы и восприятия, касающиеся монад.

Системы, основывающиеся на гипотезах, как думает Кондильяк, удобны для невежд, ведь многие из них выглядят правдоподобно, но они не раскрывают сути вещей. Однако гипотезы плодотворны тогда, когда исчерпаны все другие предположения. Но настоящая опора должна быть на фактах, хотя речь идет не о простой их сумме – надо опираться на подтвержденные первичные факты. Ясно, что имеются в виду исходные ощущения. Мировоззрение древних, с этой точки зрения оценивается весьма критично (с. 104); Платон, например, благодаря диалогу перескакивал с предмета на предмет без должной глубины (с. 105–106). Аристотель же и другие древние авторы, предлагали говорить обо всем в общем, ничего не выделяя в частности (с. 106), а недостаток схоластики состоит в смешении философии с теологией.

Будущее, согласно Кондильяку, принадлежит той философской системе, которая опирается на точное применение аналитического метода, исходящего из единства знания. Его опора – ощущения. Для доказательства этого проводится мысленный эксперимент, воссоздающий мыслящую статую. В книге подчеркнут интерес к этой идее, тем не менее А. Кротов считает взгляды Кондильяка на историю достаточно схематичными и незамысловатыми (с. 78).

Большая часть раздела посвящена политическим взглядам героя книги; прослеживается их влияние на создание во Франции академии моральных и политических наук, а также то, что его труды были основой преподавания философии в высших учебных заведениях Франции. В разделе большое внимание уделяется и роли языка у Кондильяка, и его функций в человеческом обществе.

Итак, у просветителей в четком изложении А. Кротова мы видели желание построить единую философию, опираясь на идею прогресса человеческого разума. Их взгляды устремлены в будущее, причем основой усилий служит материалистическо-сенсуалистический подход, за исключением позиции Руссо, у всех других позиция явно антиклерикалистская, нацеленная на разумную критику предрассудков и

пороков. Отдавая должное прошлым великим системам Декарта, Лейбница, Спинозы, большинство просветителей усматривает недостатки их систем в преувеличении абстракций, в опоре на метафизические предположения.

XIX столетие, как отмечает А. Кротов, провозгласило близость завершения работ над созданием научной философии. Развить общие теоретические установки, включить в них ранее не связанный с ними материал, подчиняя им все большее число фактов – такая задача не казалась мыслителям слишком сложной. Во французской интеллектуальной среде в это время наметилась дифференциация спиритуализма и позитивизма. Школа прежних «идеологов» считалась итогом завершения философии Просвещения. При всем разнообразии подходов их объединяла, как полагает А. Кротов, методология Э. Кондильяка. Метафизика понималась в сенсуалистическом ключе. К новым достижениям в области историко-философского процесса автор отнес концепцию Мен де Бирана, В. Кузена и некоторых представителей позитивизма.

Будучи, пожалуй, самым крупным знатоком философии Мен де Бирана в нашей стране, А. Кротов обогащает читателей неизвестными прежде сведениями из его философского наследия. Историко-философские оценки правильно вплетаются в общую философскую концепцию Мен де Бирана. В своей философской системе французский мыслитель опирается на человека; исследования человека и его моральной природы он считает началом философии. А. Кротов выделяет три периода его учения: первый прошел под влиянием «идеологов», второй был разработкой собственной метафизики, третий отличался поворотом к религии. Важную роль сыграла работа «Защита философии» (1818) где основными истинами были признаны бытие Бога, бессмертие души, свобода, моральный закон. Человек черпает истины из внешнего и внутреннего откровений, причем оба исходят от Бога. Бог и душа – два полюса, вокруг которых вращается философия. В недавней истории Биран вычленяет априорную философию и философию опыта; соответственно выделяются Декарт, Кант, Лейбниц и Бэкон, Локк, Кондильяк. Он полагает нужным объединение двух систем, их примирение. А. Кротов относит такие взгляды к эклектизму (с. 149). Первым подлинным философом Биран считает Сократа; к ним относятся также Платон, Декарт, Паскаль, Аристотель, Мальбранш, Лейбниц, Локк. Биран опирается на некий первоначальный факт, гарантирующий достижение истины. Он критикует Декарта за искажение этого первоначального факта, когда субъективное и психологическое начала становятся объективными и универсальными состояниями мыслящей субстанции. Если бы вся сущность души выражалась в мышлении, человек бы мыслил постоянно, а это не так. Лейбниц, по его мнению, неправомерно переходит от логического исчисления к феноменальному миру, а затем к монадам; следует идти обратным путем. Кантовское а

пріогі образовано искусственным абстрагированием. Бэкон же неверно полагал источник знания исключительно во внешнем опыте и плохо понял природу рефлексии, хотя и сделал много естественнонаучных открытий.

А. Кротов видит слабости историко-философской концепции Бирана в упрощенном понимании истории философии, так как Биран ограничивается учениями лишь нескольких крупных фигур, опуская при этом большинство их важных идей (с. 154), хотя верно считает историю философии не хаотическим движением мысли, а развитием моральных и интеллектуальных истин. Главная задача «Новых опытов антропологии» (1821–1824), третьего этапа развития Бирана – заложить основу наук о человеке, рассмотрев его природу во всем объеме (с. 157). Это и станет базой будущей философии. Исследователь А. Гуйе, как отмечает А. Кротов, указывает на сведение в работах Бирана религиозной жизни к анализу психологических состояний верующих и называет это новаторскими предвосхищениями (с. 159), что вряд ли следует считать верным. В основе учения Бирана – признание человека посредником между Богом и природой; единение с Богом требует множества внутренних процедур; наряду с познанием сюда включается мистическая любовь. Однако можно полагать известным упрощением отождествление философских идей с религиозными и видеть будущее философии в последних.

Заслугу А. Кротова надо видеть, далее, в детальном рассмотрении воззрений одного из видных историков философии В. Кузена. В. Кузен широко известен публике, его историко-философские исследования до сих пор привлекают внимание многих авторов; его позиция принимается некоторыми имеющими влияние учеными, такими, как Ж. Дамирон, А. Франк. Позиция В. Кузена – спиритуализм, который он считает квинтэссенцией всех возможных философских подходов.

Будучи признанным лидером спиритуализма, В. Кузен уже при жизни приобрел статус «официального философа». Его эрудиция и его влияние на академическую среду способствовали повышению уровня историко-философских исследований во Франции. Его «эклектизм» повысил интерес к истории философии, а труды «История философии в XVIII веке» (1829), «Введение в историю философии» (1829) читали не только профессионалы. Историю философии В. Кузен считал продолжением и развитием самой философии.

На первый взгляд история этой науки кажется хаосом, но, по мысли В. Кузена, более глубокий подход позволит обнаружить существенные характеристики и свести все многообразие к небольшому числу систем. Рефлексия выделяет четыре типа систем, охватывающих всю историю философии: сенсуализм, идеализм, скептицизм и мистицизм в их последовательной смене. Сенсуализм и идеализм ведут к материализму и рационализму. Их критика порождает скептицизм как первое проявление здравого смысла. Рефлексия, далее, приводит к мистицизму.

Каждая система, согласно Кузену, приносит несомненную пользу человечеству, и нельзя вычеркнуть ни одну, их надо примирить; этой цели Кузен подчинял свои усилия. Но особо он выделял спиритуализм, сводящий чувства к разуму, и признающий бытие Бога, нематериальную сущность души, свободу воли, моральный долг. Основными частями спиритуализма он считал психологию, онтологию, этику, эстетику, историю философии. В сознании же можно обнаружить сенситивные, волевые и рациональные факты. При анализе волевых фактов В. Кузен опирается на Мен де Бирана, с точки зрения которого именно благодаря волевым актам осуществляется манифестация человеческой личности. И он же верно возвысил спиритуализм, хотя недооценивал разумные факты. А они дают человеку знание необходимых и всеобщих истин, лежащих в основе всех наук.

Как видим, учение В. Кузена весьма расчленено и богато; он учитывал возможности каждой философской системы, и на этой основе оценивал системы Аристотеля и Канта, особенно в связи с различением категорий. Но завершил он свои взгляды утверждением приоритета религиозных ценностей, поскольку, по его мнению, знание упирается в признание бытия Бога как Верховного существа.

А. Кротов вполне логично замечает, что в XX в. оценки творчества В. Кузена стали более сдержанными. Однако нельзя отрицать то, что благодаря своим усилиям он стал посредником между французскими и немецкими философами. Конечно, стремление В. Кузена найти скрытую причину движения историко-философской мысли оправдано, но вряд ли эклектический спиритуализм может претендовать на роль итоговой формы философии, и провозглашенный им синтез систем кажется не итогом, но стремлением Кузена положить искусственный предел развитию. Односторонняя ориентация на психологию также не позволяет охватить историко-философский процесс в целом (с. 184).

К В. Кузену примыкает П. Жане, хотя его поздние спиритуалистические исследования, скорее, можно счесть полузабытой страницей в истории мысли (с. 223). Жане противопоставляет всем прошлым философским системам спиритуализм, так как он лучше всего, по его убеждению, выражает свободу и достоинство человеческого ума. Иерархия систем, данная Жане в «Основах философии» (1880) такова: материализм, позитивизм, субъективный феноменализм, критицизм, пантеизм, спиритуализм. Школа спиритуализма содержит такие характеристики: независимость от теологии, обращение к психологии, выделение идеалистической и спиритуалистической традиций, картезианство. Философия неотделима от своей истории; в каждой системе можно найти интересные и важные факты. Поэтому Жане высоко ценил Локка и Кондильяка, Бэкона и Мен де Бирана, Декарта и Лейбница.

Будучи учеником Кузена, Жане тем не менее хочет предъявить миру свою оригинальность: он полагает, что спиритуализм содержит не-

которые лакуны в доказательствах, их надо доказательно заполнить, и тогда спиритуализм станет самой плодотворной и активной школой. Жане хочет показать родство разных разделов философии с отдельными науками: логики с математикой, морали с юриспруденцией. Близка философия и с религией. Надо объединить в философии две части философии – человека и Бога, которые в действительности неразрывно связаны. Три типа метафизики нацелены на выделение души, тела, Бога. Критикуя материализм и отстаивая учение о целевых причинах, Жане хочет утвердить религию в качестве всеобщего социального факта, поскольку в природе легко усмотреть не только физический, но и моральный порядок. В то же время Жане ищет психологические основания метафизики, хочет обосновать стремление к широкому синтезу философских направлений. Но спиритуализм в работах Жане не вышел победителем в борьбе с позитивизмом и критицизмом, как точно замечает А. Кротов. Надо заметить, что умение выделить самое важное в каждой из таких различных систем взглядов требует больших профессиональных способностей и большого труда; Артему Александровичу Кротову это вполне удалось, и читатели, несомненно, будут чувствовать к нему вполне заслуженную благодарность за подготовку оснований для точного их понимания.

Значительную часть этого раздела А. Кротов посвящает позитивизму; это правильно, поскольку в XIX в., да и в XX в., позитивизм играл важную роль в формировании определенного историко-философского подхода. А. Кротов считает нужным начать с рассмотрения позитивных взглядов Конта, Сен-Симона и Фурье. Сен-Симон уверен в том, что философия должна опираться на достижения выдающихся ученых, а назначение государственных учреждений – улучшение общественной жизни.

В связи с этим он призывал создать «европейскую Энциклопедию», объединяющую философов, в которой нашли бы обоснование главные черты промышленного строя, что в итоге гарантировало бы счастливую жизнь общества (с. 212). Согласно Сен-Симону, научные доказательства, основанные на точных наблюдениях, должны вытеснить слепые метафизические верования. Ж. Фурье также хотел обосновать неизбежность разрыва с прежними формами философствования, не опирающегося на научные принципы. Платоны, Вольтеры, Руссо уйдут в небытие, опора должна установиться на новую науку вместо философии.

Позитивизм добивался того, чтобы наука и ее открытия заменили прежние спекулятивные метафизические системы. Наука – единственная основа человеческих знаний. В таком духе рассуждали и О. Конт, и его последователь И. Тэн; в этом русле лежит и их позитивистская историко-философская схема. О. Конт нарисовал картину интеллектуальной истории человечества, выделяя в ней три способа философствования. Сначала человек опирался на теологию, затем на

метафизику и, наконец, на позитивизм. Последний, по Конту, истинный и окончательный метод: человек принимает научное мировоззрение; в этом, как думает Конт, он наследник Просвещения.

Согласно убеждениям позитивистов, идеи прогресса научного разума научны и истинны. Кризис охватил европейское общество; выход из него – победа научной философии. Науке не нужна никакая особая философия, наука – сама себе философия, так как метафизика создает изощренные абстракции, мало связанные с научными фактами. Позитивная философия должна охватить важнейшие достижения частных наук; миссия позитивизма – обобщение научных данных. Это и будет господством человека (с. 217). И. Тэн разделял эти взгляды. Он рассматривал историю культуры как сочетание трех факторов: расы, среды и момента. Их соединение и роль изучает психология. Раса – это наследственные склонности; среда – внешнее географическое и социальное окружение, момент измеряет скорость исторического движения. Выделяя в качестве главного философского направления Франции, Англии и Германии, позитивизм, Тэн подвергает критике спиритуализм, так как полагает, что спиритуализм не носит научного характера. Он высоко оценивает взгляды Мен де Бирана и Кузена; в своей истории философии он отказывается от тяжеловесных философских трактатов и рассматривает на популярные научные очерки.

При критике позитивизма можно было бы обратить внимание на тот факт, что его представители как бы чувствовали, что философия XVIII–XX вв. ориентировалась на науку, была наукоучением. На это обратил внимание в своей книге «От наукоучения к логике культуры» (1991) известный российский философ В.С. Библер. В данном случае обращение к некоторым видным фигурам, в том числе к Гегелю как крупнейшему представителю наукоучения было бы уместным и уместно было бы рассмотреть некоторые заимствования из логики науки, как, например, принципы снятия и восхождения от абстрактного к конкретному.

По мере чтения последней главы книги читатель понимает, что А. Кротов проделал огромную работу: собрал для знакомства с публикацией тщательно выверенные взгляды знаменитых, в том числе и сегодня, философов, на которые оказал воздействие исторический процесс. До сих пор этот вопрос в литературе освещался слабо. А это очень важно для глубокого проникновения в смысл современных философских идей, что послужит толчком для развития идей дальнейших. Далее, как нам кажется, автор правильно относит к современным мыслителям Анри Бергсона, потому что его влияние заметно и до сих пор, а в начале XX в. было очень сильным.

А. Кротов кратко, хотя и точно сумел выделить главные черты философии автора «Творческой эволюции» (1907). Определяющим он считает противопоставление интеллекта интуиции. Недостаток

первого Бергсон видел в том, что рационализм выделяет практическую полезность человеческих действий, но не постигает сущности вещей. Изменчивость сводится к сумме неподвижных моментов наподобие ленты кинематографических кадров. Античные философы Платон и Аристотель заменили изменчивость понятием устойчивости. Они полагали, что неподвижные структуры заключают в себе нечто большее чем движущиеся (с. 241). Наука и философия Нового времени хотела идти иным путем, но подпала под влияние интеллекта (с. 241) и редуцировала изменчивость к неподвижности.

Высоко ставя Декарта, Бергсон замечает в его системе невозможное сочетание детерминизма и индетерминизма; программы Спинозы и Лейбница были выстроены по античной схеме и стремились создать единую и полную науку (с. 243). То же делал Кант. Бергсон противопоставлял взгляды Спенсера своему интуитивизму, который считал подлинным эволюционизмом (с. 243); он – истинное продолжение науки.

В понимании учений Спинозы и Беркли Бергсоном А. Кротов обращает внимание на контраст формы и содержания. В содержании следует искать почти неуловимую интуицию. Все прежние подходы к истории должны были исключать трактовку любой системы как синтеза прежних решений или сочетания их с новыми идеями. Все предшествующее развитие философии подчинено, по Бергсону, кинематографическому методу. Но развитие науки должно быть переориентировано на длительность. В «Философии интуиции» (1911) Бергсон различает два подхода к истории философии. Один, внешний, когда система оценивается в связи с теми явлениями, которые ее окружают. Тогда система – синтез разных идей. Другой способ хочет проникнуть внутрь системы, схватывая образ мышления ее автора, это достигается посредством интуиции. Простота исходной интуиции – суть любой философии, но несоизмеримость ее с рацией заставляет искать все более точные определения системы, хотя всегда в сознании создается некий туманный и размытый образ. Образ ближе к интуитивному постижению, чем к рациональным понятиям. Бергсон сформулировал кредо: философ не исходит из предшествующих идей (с. 249). Интуиция при анализе господствует, так как человек – часть огромной реальности, а длительность – ее основа. Она вечная изменчивость и непрерывность. Значимо то, что А. Кротов хорошо знаком с оценками творчества Бергсона разными авторами. Так, историк М. Геру считал, что Бергсон оценивал все прежние системы как заблуждения, а свою считал истинной. Ее открытие и есть наступление новой эры в философии, хотя частичная правота содержится и в других системах.

Интуитивный метод, по Бергсону, соответствует самой градации бытия. Надо разрабатывать интуитивную метафизику. Наука отличается тем, что в ней главное – материя, в метафизике же – дух (с. 257). Они дополняют друг друга; в перспективе будет существовать только одна

метафизика. Но единой концепции А. Кротов у Бергсона не находит, и это верно. Если исходить из истинности метода интуиции, непонятно, почему предшествующие философы почти все основывались на интеллекте.

Хотя Ж.-П. Сартр не относится к числу самых современных и влиятельных философов, А. Кротов совершенно правильно включает его в число знаковых фигур нашего времени. Его близость к марксистским идеям и огромное влияние на народные и студенческие массы во Франции в 1968 г. и позже делает его таким. В своей работе «Критика диалектического разума» Сартр формулирует основные характеристики всякой философии: ее классовую природу, зависимость от важных черт эпохи, умение быть способом сознания восходящего класса; верно подмечается, что философия, ставшая символом своего времени, всегда превосходит своего создателя. В истории философии Сартр выделяет три периода: эпоху Декарта и Локка, Канта и Гегеля и Маркса. Маркса он считает выдающимся философом, а марксизм, как он полагает, далеко не исчерпал своих возможностей. Любая философия отвечает запросам своего времени и всегда ориентирована на его практику. Она формирует общие схемы и является проектом, не только разрушающим прошлое, но и ориентированным в будущее. Так, картезианство помогло разглядеть всеобщность буржуазной собственности сквозь туман феодальной системы, а марксизм увидел будущее общество сквозь призму кризисов.

Критику ревизионизмом марксизма Сартр считает нелепостью; он критикует Ясперса за желание укрыться от жизненной реальности в абстрактной субъективности. Советский марксизм Сартр упрекает в догматизме и консерватизме, абстрагирующихся от живой практики. Но вместе с тем он не считает марксизм окончательной формой философии, ставя на это место экзистенциализм.

Сартр предполагает объяснять жизнь индивида, исходя из требований эпохи, интересов класса, задач семьи, понимания человека как проекта.

В экзистенциализме надо избавляться от прямолинейного сведения идеологии к абстрактным формулировкам классовых интересов, хотя критики экзистенциализма подчеркивают его творческую силу несмотря на это. Так, Симона де Бовуар затрагивает анти-капиталистическую и анти-спиритуалистическую направленность экзистенциализма, Т.А. Кузьмина обращает внимание на марксистский анализ отчуждения, который высоко оценивал Сартр. Ф. Вормс подчеркивал развитие Сартром диалектики и объективного детерминизма. Все эти оценки фиксируют сартровский экзистенциализм в контексте его эпохи, когда философию надо понимать как «культурную среду эпохи» (с. 333). Метод сартровского философствования – синтетически-аналитический: как движение от эпохи к индивиду и обратно.

Своеобразные оценки прошлого философствования вплетены у Луи Альтюссера в его философскую систему. Она, как подчеркивает А. Кротов, ориентирована и на науку, и на политику. Связь философии с наукой осуществляется на основе крупных научных блоков, так называемых «континентов». Так, в континенте математики, внутри которого действовали Фалес и Платон, ее достижения способствовали возникновению античной философии. Физический континент, построенный Галилеем и Ньютоном, обусловил возникновение кантианства. Картезианское понятие причинности было необходимо физике Нового времени. Возникновение марксизма Альтюссер связывает с созданием исторического материализма. «Тезисы о Фейербахе» он рассматривал как временный отказ от философии, исходный же пункт новой философской работы – «Капитал» Маркса. В своем сборнике «За Маркса» (1965) и в других работах он выделяет три черты марксизма: отличие философии от науки, соединение их и выявление борьбы материализма и идеализма. Кредо Альтюссера: «У философии есть история, но в этой истории ничего не происходит» (с. 339), так как все время за первичное принимается то дух, то материя, что нельзя считать верным. Не совсем понятно, почему Альтюссер приписывает Марксу отказ от гуманизма (с. 342); по его мнению построенная Марксом наука исключает как антропологию, так и гуманизм (с. 342). Вряд ли это можно считать верным. Но Альтюссер высоко оценивает «Материализм и эмпириокритицизм», который, как он считает, во многом дополнил диалектику Энгельса, что высказано в докладе «Ленин и философия» (1968). Ленин заново дал определение материи, связал философию с политикой и идеологией. Наука никогда не заменит собой идеологию, а главной чертой идеологии признается преобладание социальной функции над теоретико-познавательной. А. Кротов считает, и это нам кажется правильным, плодотворными многие мысли Альтюссера, в том числе мысль о связи философии с практикой, о запаздывании философии по отношению к науке, о влиянии на философию социальных структур (с. 345). Но в целом неубедительными выглядят, по его мнению, рассуждения об отсутствии у философии своего объекта, о том, что углубление содержания в ней не происходит. В оценке многих предшествующих учений для Альтюссера иногда типичен схематичный подход.

Наиболее интересным для современных читателей будет, возможно, анализ работ Делёза. Его отношение к истории изобилует многими нестандартными оценками взглядов известных мыслителей. Все они составляют часть его общеполитической концепции, которую он определил как эмпиризм, имея в виду, вероятно, обращение к реальной истории. В то же время концепция Делёза характеризуется им самим: она посвящена Ницше, Бергсону, Платону, Лейбницу. Делёз высказывает свое отношение к ним в сочинении «Различие и повторение» (1969). В истории философии повторение оборачивается различием, и Делёз

склонен находить у предшественников собственные концепты, т.е. самые важные понятия. У Бергсона Делёз хочет найти развитие в области виртуального, где легко отыскать и повторение, и развитие. Делёз полагает, далее, что история философии должна выглядеть как подлинный двойник и включать присущее двойнику изменение. Так, Гегель может быть представлен с бородой, а Маркс – без волос. Анализируя историю философии, надо оживить дремлющий концепт, сыграть его заново на новой сцене. Несмотря на ценность многих высказываний Делёза, А. Кротов считает, что большинство современных историков философии не сможет принять идею отрицания последовательности систем, защищаемую им.

Видный теолог Э. Жильсон был в то же время известным философом, чьи интересные историко-философские подходы хочет раскрыть публике А. Кротов. Он хочет показать глубину его обобщений и широту его эрудиции. История философии служит путем к метафизической истине и является служанкой метафизики (с. 286). Подчиняя в целом философию теологии, Жильсон именно с этих позиций подходит к истории философии. В учении античных философов, прежде всего Аристотеля, он связывает метафизические вопросы с понятием Бога как перводвигателя. Сама христианская философия оказалась результатом встречи религиозного откровения и рациональных суждений. Философской кульминацией Жильсон считает учение Фомы Аквинского. Затем философия идет на спад, но все же и ее развитие не лишено определенной логики (с. 289). Настаивая на понимании Бога как истинной причины всех вещей, он превозносит теологию. В этом смысле каждый крупный философ, как он думает, искал своего Бога. Декарт видел его в творении и сохранении механического мира, но тем самым он свел Бога к философскому принципу. Следовавшие за Спинозой метафизики сочли Бога мифом; французские просветители мыслили Бога только как объект философской рассудочности (с. 291). Критическая же философия сводит Бога к идее разума. Но этим трактовкам, согласно Жильсону, противится естественное человеческое стремление искать Бога. Жильсон подчеркивает, что бытие Бога – не научная проблема и должна рассматриваться в рамках метафизики, а та – служанка теологии. Когда метафизика подходит к концу, начинается религия. А. Кротов правильно подчеркивает, что тонкий анализ Жильсона помогает читателям избавиться от надоедливых стереотипов, но не всегда наталкивает на верные решения. В работе «Дух средневековой философии» Жильсон отмечает, что теология еще долго будет способна служить источником вдохновения для философов. В этой связи А. Кротов приводит критические оценки Ж. Шевалье и М. Геру.

Конечно, Жильсон шел против духа времени, убеждая вернуться к метафизическому образцу. Но своими убедительными обобщениями он сможет еще служить ориентиром для многих историков философии.

Надо приветствовать обращение А. Кротова к такой видной фигуре в философии, как Э. Брейе. Он стал известен своими историко-философскими работами «Философия Платина» (1910), «Шеллинг» (1912), «История немецкой философии» (1921) и другими, где утверждал, что чрезвычайно важно иметь верное представление о прошлом. Античные системы не надо считать примитивными, авторов философских систем следует оценивать в связи с их временем и его требованиями, с желанием установить единство философского знания. Этими идеями Брейе всегда руководствовался в своем историческом анализе. Он полагал, что в эпоху Ренессанса предшествующая мысль дробится на части. Но затем влияние приобретает идея примирения и эклектики, выраженная Лейбницем и Брункером. Гегелем проводилась мысль о непрерывной линии развития философских взглядов. Брейе отмечал чередование интуитивных и рациональных периодов в истории. В статье «Как я понимаю историю философии» (1947) Брейе заявляет, что хочет видеть в истории философии не сумму заключений, а выражение жизненного опыта (с. 302); это история духовных инициатив. Он polemизирует с Жильсоном о роли философии по отношению к теологии и показывает преемственность между средневековыми мыслителями и Декартом, Лейбницем, Паскалем. Философия всегда несет на себе черты прошедшего.

Заканчивая книгу, читатель не может не почувствовать глубокой признательности к ее автору. Благодаря тонкому анализу, широкой эрудиции и высокому профессионализму А. Кротов смог раскрыть перед читателями все богатство взглядов самых ярких мыслителей трех веков. Не только широкая публика, но и многие профессионалы смогут использовать его анализ как платформу для своих дальнейших историко-философских исследований. При этом А. Кротов почти всегда ориентирует на нетрадиционные, необычные, интересные решения. Плод серьезных раздумий, книга «Философия истории философии» приобретет в будущем множество новых читателей. Можно сказать и о некоторых недостатках. Так, иногда слишком много внимания уделяется не историко-философским, а общеполитическим взглядам героев. Исторические взгляды Делёза могли бы быть освещены более подробно. Нет критики отрицания Альтюссером марксовского гуманизма. Наконец, относительно Гельвеция: он не был моралистом, он был основателем утилитаризма, а это принципиально иное. Но эти и другие несущественные замечания не могут изменить благоприятного впечатления от книги. Выход такой книги – событие в философской жизни, которое будет по достоинству оценено читающей публикой.